

М. Н. Губогло

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ МЕТОДИКИ ПРИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ АНАЛИЗЕ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ЯЗЫКОВ

(О СОЦИОЛОГО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ В СИБИРИ)

В последние годы достигнуты серьезные успехи в отечественной социолингвистике¹. Прежде всего важно отметить, что советским языковедением разработана одна из кардинальнейших проблем социолингвистики — проблема социальных функций языка. Изучаются исторические судьбы и перспективы дальнейшего функционирования национальных языков, их роли и значения в жизни советских этносов. Еще в 20-е годы ставились и решались задачи планирования и прогнозирования развития языков. В настоящее время по мере того как возрастает число работ, посвященных наиболее общим социолингвистическим проблемам, становится все более очевидной недостаточность источниковедческой базы и несостоятельность некоторых теоретических положений². Ряд авторов исходит из личных впечатлений, подчас не подкрепленных конкретными данными, что ослабляет аргументы в пользу их выводов и классифика-

¹ См. В. А. Аврорин, Ленинская национальная политика и развитие литературных языков народов СССР, «Вопросы языкознания», 1960, № 4; его же, Опыт изучения функционального взаимодействия языков у народов Сибири, «Вопросы языкознания», 1970, № 4; его же, Ленинские принципы языковой политики, «Вопросы языкознания», 1970, № 2; Н. А. Баскаков, Тенденции развития общественных функций младописьменных тюркских языков, М., 1970 (Доклад на VII МСК в Варне); И. К. Белодед, Развитие языков социалистических наций СССР, Киев, 1969; его же, Ленинская теория национально-языкового строительства в социалистическом обществе, М., 1972; Ю. Д. Дешериев, Развитие младописьменных языков народов СССР, М., 1958; его же, Закономерности развития и взаимодействия языков в советском обществе, М., 1966; его же, Советская методология, теория и практика планирования и прогнозирования языкового развития, М., 1970 (Доклад на VII МСК в Варне); М. И. Исаев, Сто тридцать равноправных (о языках народов СССР), М., 1970; его же, Осуществление ленинской языковой политики в советском многонациональном государстве, «Известия АН СССР», Серия литературы и языка, т. XXIX, М., 1970, № 2, стр. 153—164; Н. Г. Кордэтяну, К вопросу о значении социального фактора в развитии языка, в кн.: «Язык и общество», М., 1968, стр. 139—142; Л. Б. Никольский, Изучение языковой ситуации как прикладная языковая дисциплина, в кн.: «Проблемы изучения языковой ситуации и языковый вопрос в странах Азии и Северной Африки», М., 1970, стр. 3—12; его же, Прогнозирование и планирование языкового развития, М., 1970 (Доклад на VII МСК в Варне); К. Х. Ханазаров, Сближение наций и национальные языки в СССР, Ташкент, 1963; Ф. П. Филин, К проблеме социальной обусловленности языка, в кн.: «Язык и общество», М., 1968; его же, Происхождение русского, украинского и белорусского языков, Л., 1972.

² «50 лет советского языкознания», М., 1967; «Языки народов СССР», т. I—III, М., 1966; т. IV, 1967; т. V, 1968; «Язык и общество», М., 1968; «Взаимодействие и взаимобогащение языков народов СССР», М., 1969, и ряд других коллективных трудов.

ций. В социалингвистике сейчас наблюдается разрыв между успешной постановкой общетеоретических проблем и недостаточной разработкой отдельных конкретных вопросов и методики конкретно-социологического изучения функционального взаимодействия языков. Между тем подобного рода работы связаны не только с теоретическими проблемами, но и с практическим решением целого ряда насущных вопросов повседневной языковой жизни. К числу наиболее актуальных можно отнести, например, вопросы о месте языковых процессов в дальнейшем развитии и сближении наций, народностей и их культур, о распространении двуязычия, его функциональной значимости и социально-этнических последствий в различных поло-возрастных, социально-профессиональных, территориальных и иных группах населения, вопросы разработки научных основ оптимального соотношения языков в школах, вузах и других сферах общественной жизни в условиях двуязычия (например, в периодической печати, общественно-политической и научно-технической литературе)³ и целый ряд других вопросов.

Широкое развитие конкретных социологических исследований неизбежно вносит изменения в содержание, проблематику и методику советской социалингвистики. Становится ясным, в частности, что между понятиями, определяющими место языка и языковых процессов в общей теории исторического материализма, и конкретными исследованиями должны существовать некоторые посредствующие теоретические звенья.

В. А. Аврорин одним из первых в советском языкознании поставил вопрос о целесообразности строгого разграничения в исследовательских целях двух относительно самостоятельных аспектов: 1) структурного и 2) функционального развития и взаимодействия языков. Изучение языковых процессов в современной социалингвистике идет в этих двух направлениях. Во-первых, исследуются состояние и эволюция структуры языка, его лексики, грамматики, фонетики, структурных особенностей его диалектов и функциональных стилей, т. е. того, что в лингвистической литературе обычно связывают с внутренней историей языка. Во-вторых, исследуются коммуникативные функции языка, иначе говоря, степень охвата им того или иного коллектива людей, объем и характер выполняемых им общественных функций, т. е. то, что в литературе обычно связывают с внешней историей языка⁴. Второе направление исследований позволяет научно обосновать языковую политику, представляющую собой органическую часть национальной политики того или иного государства, класса или партии. В то же время следует учитывать, что языковая политика, т. е. система мер, регулирующих функциональное развитие языка, в известной мере воздействует и на его структуру⁵.

Развитие общественных функций языка связано не только с развитием этнической общности, но и с характером этно-лингвистической среды и языковой ситуации. Понятие языковой ситуации имеет немаловажное значение для решения теоретических и практических задач социологическо-лингвистического обследования; к сожалению, оно недостаточно разработано. Термин «языковая ситуация» одним из первых начал употреблять Л. Б. Никольский: «Взаимоотношения функционально-стратифицированных языковых образований (языков, диалектов, говоров.— М. Г.) изменяется во времени под воздействием общества и языковой политики и, стало быть, представляет собой некий процесс. Этот процесс распадается на ряд состояний. Каждое такое состояние и есть то, что может быть

³ Ю. Д. Дешериев, Проблемы функционального развития языков и задачи социалингвистики, «Язык и общество», М., 1968.

⁴ В. А. Аврорин, Ленинская национальная политика и развитие литературных языков народов СССР; см. также: Г. Л. Винокур, Культура языка, М., 1929, стр. 165.

⁵ В. А. Аврорин, Ленинские принципы языковой политики, стр. 10, Ю. Д. Дешериев, Развитие национальных языков и языка межнационального общения, «Коммунист», 1973, № 1.

названо языковой ситуацией»⁶. Формулировку, выдвинутую Л. Б. Никольским, можно принять, выделив в понятии «языковая ситуация» еще один ее аспект — этнолингвистические процессы. Среди последних целесообразно различать: 1) собственно внутрилингвистические процессы, предполагающие изменения структуры языка (лексики, фонетики, синтаксиса и т. д.); 2) внелингвистические процессы, представляющие собой взаимодействие между социально-экономическими, культурно-историческими, био-психологическими и собственно языковыми процессами и, наконец, 3) межлингвистические процессы, развертывающиеся между элементами разных языков и, как правило, предполагающие наличие языка-партнера⁷.

Если в центре внимания социолого-лингвистического исследования оказываются внелингвистические и межлингвистические процессы, то особое значение приобретает методика социологического анализа. Методика складывается, как известно, из суммы строгих научно разработанных правил, методов, приемов и процедур, применяемых исследователями. Обратимся к опыту крупномасштабного социолого-лингвистического исследования социальных функций языков коренных народов Сибири⁸, начатого коллективом языковедов и этнографов Сибирского отделения АН СССР еще в 1965 г. под общим руководством В. А. Аврорина.

Социолого-лингвистическое исследование состоит из нескольких последовательных этапов: 1) формулировки основных задач, разработки программы и выдвижения рабочих гипотез и определения понятий, 2) составления анкеты и экспериментального апробирования социологического инструментария, 3) определения единиц наблюдения, т. е. разработки выборки, 4) сбора информации и анкетирования, 5) обработки собранной информации на ЭВМ, 6) ее анализа и обобщения.

Новосибирские исследователи использовали статистические, ведомственные и прочие письменные материалы, характеризующие, в первую очередь, внешнюю сторону развития языка и динамику языковой ситуации. Центральное место в их инструментарии занимает специальная анкета. Ее основная задача состояла в том, чтобы «выяснить фактическое распределение у каждого народа социальных функций различных языков (языка своей национальности, языка межнационального общения, языка основного населения республики, языков соседних народов и т. п.), определить реальные потребности и возможности использования того или иного языка в различных сферах общественной жизни, эффективность каждого из них, выявить реально существующие тенденции перераспределения функций языков, типы билингвизма и полилингвизма, установить влияние разных видов межязыковых контактов, миграционных процессов и смешанных браков на языковую жизнь и т. п.»⁹.

⁶ Л. Б. Никольский, Изучение языковой ситуации как прикладная языковая дисциплина, стр. 7.

⁷ М. Н. Губогло, Элементы этнической идентификации в оценках экспертов, «Все-союзная научная сессия, посвященная итогам полевых археологических и этнографических исследований 1970 г.» (секция этнографии, фольклора и антропологии), Тбилиси, 1971 (ротапринт).

⁸ Информацию о ходе исследования и первые публикации о его результатах см.: «Известия СО АН СССР, Серия общественных наук», Новосибирск, 1967; Ю. Б. Стракач, В. А. Туголуков, Социолого-лингвистические исследования в Сибири, «Сов. этнография», 1969, № 3; «Проблемы изучения национальных отношений в Сибири на современном этапе», Новосибирск, 1967; Н. А. Сердобов, К вопросу о некоторых социолого-лингвистических процессах в национальной консолидации тувинцев, «Ученые записки Тувинского НИИ языка, литературы, истории», вып. XIII, Кызыл, 1968, стр. 78—109; «Сбор и разработка материалов социолого-лингвистических исследований Сибири», Новосибирск, 1969, и др.

⁹ В. А. Аврорин, Опыт изучения функционального взаимодействия языков у народов Сибири, стр. 34.

На этом этапе исследования основное внимание уделялось проблеме измерения. Необходимо было обеспечить надежные средства фиксации материала. Речь шла не только об «измерительных» качествах анкеты, но и о внимании к тем явлениям языковой жизни, которые подлежали измерению.

Как выяснилось в ходе исследования, анкета в целом была составлена удачно. Ее основными, на наш взгляд, достоинствами были краткость, четкость и лаконичность вопросов. Благодаря анкете был собран универсальный по характеру и объему фактический материал о языковой жизни коренных народов Сибири. В то же время некоторые стороны анкеты весьма уязвимы для критики. Социолого-лингвистическая анкета новосибирцев рассчитана на целую семью. Для ответов каждого отдельного члена семьи имеется особая колонка, в заголовке которой указывается отношение данного лица к главе семьи. Поэтому единица наблюдения по самой анкете (семья) расходится с единицей наблюдения по выборке (индивид). Строго формализованные («закрытые») ответы на вопросы анкеты, по-видимому, были бы более удобны для технической обработки собранной информации.

Все вопросы анкеты¹⁰ тематически разделяются на три группы: вопросы первой группы (1—8) фиксируют демографические, или так называемые «паспортные» признаки, на которые можно без особых сомнений получить замещенные ответы, т. е. записать сведения о респонденте со слов другого лица. Цель двух других групп вопросов — фиксация принципиально важной информации для характеристики реальной языковой ситуации. «Семейно-индивидуальный» характер анкеты имеет не только положительные, но и отрицательные стороны. Действительно, анкета открывает широкие возможности для сбора ценной и весьма надежной информации о структуре семьи. Однако заполнение ее и на отсутствующих членов семьи уменьшает достоверность той части информации, которая собирается с помощью замещенных ответов. Отсюда вытекает, что две главные задачи рассматриваемой анкеты — сбор исходной информации о составе семьи и о функциональном взаимодействии языков — трудно совместимы.

Видимо, чтобы избежать этих трудностей, вопросы о структуре семьи и характере семейных отношений, как второстепенные для данного исследования, можно было бы ввести в текст самой анкеты и адресовать ее не семье, а отдельному человеку. Никаких дополнительных средств, за исключением решения нескольких задач технико-композиционного характера, не потребовалось бы, а объективность обоих типов информации намного бы возросла.

Каковы главные направления функционального взаимодействия языков, требующие изучения? В первую очередь, — степень распространения и взаимодействия контактирующих языков в различных жизненных ситуациях. Здесь задача распадается на две части: во-первых, выбор тех языковых сфер, в которых реализуется само взаимодействие, и, во-вторых, выяснение того, сколько языков употребляется в каждой сфере: один, два или больше. Число языковых сфер (микроситуаций) может быть различным, и выделение их зависит от задач исследования. Прежде всего представляет интерес употребление языков при двуязычии в семье, школе, на производстве, в сфере духовной жизни. Внутри каждой из перечисленных сфер возможно и более дробное членение. В рассматриваемой анкете, несмотря на отдельные недостатки, языковые сферы в целом были подобраны удачно. Но это лишь часть задачи. Необходимо было еще дать характеристику языковой ситуации путем определения частоты употребления контактирующих языков.

¹⁰ Текст анкеты неоднократно публиковался, в том числе дважды в журнале «Сов. этнография»: 1969, № 3 и с комментариями Ю. Б. Стракача — 1969, № 4.

Кроме того, для анализа современной языковой ситуации и для прогноза тенденций ее развития необходимо было установить фактический уровень владения языками. Одна из слабых сторон новосибирской анкеты именно в том и заключается, что она не дает достаточных сведений для суждения по этому вопросу. Как отмечает сам В. А. Аврорин, «заранее было известно, что нужной глубины в этом отношении достигнуть при анкетном обследовании не удастся»¹¹. Для преодоления этого недостатка была, в частности, разработана шкала владения вторым языком (по 3-х, 4-х и т. д. балльной системе), применявшаяся в ходе изучения социально-этнических процессов Татарской АССР.

В «Опросном листе» для анкетирования сельского населения в Татарской АССР учитывалась различная степень знания второго языка: лучше, по сравнению с языком своей национальности; хуже, в равной мере. В «городском» «Опросном листе» ставилась также задача выяснить степень владения родным татарским языком.

Для этого была сконструирована специальная шкала: опрашиваемые могли отнести себя к одной из следующих, выделенных в анкете, групп: 1) совсем не владеющих татарским языком; 2) только говорящих на этом языке; 3) читающих и говорящих; 4) пишущих, читающих и говорящих. В дальнейшем, по-видимому, для измерения уровня владения вторым языком потребуются более сложные методы: направленное интервьюирование, специальные диктанты, тесты, магнитофонные записи беглой речи, не применявшиеся пока в отечественной социолингвистике.

В программе исследования, предпринятого Институтом этнографии АН СССР и посвященного социально-культурным аспектам развития и сближения наций в СССР¹², значительное место уделяется изучению современных этнолингвистических процессов. Для измерения масштабов двуязычия в «Опросный лист» включены два взаимодополняющих вопроса. С помощью одного из них: «Каким языком вы более свободно владеете?» — оценивается степень знания второго языка по сравнению с первым. С помощью другого вопроса уточнялась глубина владения вторым языком. Исходя из ряда теоретических и практических соображений была сконструирована пятичленная шкала оценок (от наиболее свободного владения вторым языком до полного его незнания): 1) совершенно свободно знаю, думаю на языке; 2) довольно свободно говорю; 3) говорю с некоторыми затруднениями; 4) с большим трудом говорю; 5) вообще не говорю. По мысли составителей «Опросного листа» указанная шкала даст возможность приступить к типологизации двуязычия в различных регионах страны.

Исследование этнолингвистических процессов невозможно вне связи их с происходящими социальными процессами, и, в частности, с процессом урбанизации. Для суждения о социальной структуре населения, о процессах индустриализации, урбанизации и их роли в языковых процессах, в анкете новосибирских исследований были предусмотрены два следующих вопроса: 6) Место работы и учебы и 7) Занятие (кем работает?). С помощью этих вопросов фиксируются социально-профессиональный статус опрашиваемых и отрасли народного хозяйства, в которых они трудятся. Однако из-за недостаточно четкой формулировки вопроса возможны неадекватные ответы. Действительно, «местом работы» может быть населенный пункт, колхоз, ферма, рыболовное судно, токарный станок и т. д. Этот вопрос целесообразнее, видимо, было бы

¹¹ В. А. Аврорин, Опыт изучения функционального взаимодействия языков у народов Сибири, стр. 36.

¹² О задачах указанного исследования, его основном инструментарии, выборке и первых результатах см.: Ю. В. Арутюнян, Социально-культурные аспекты развития и сближения наций в СССР (программа, методика и перспективы исследования), «Сов. этнография», 1972, № 3; см. также: Л. М. Дробижева, Усиление общности в культурном развитии советских наций, «История СССР», 1972, № 4, стр. 23—24.

сформулировать так: «Где вы сейчас работаете?» и далее дать развернутый перечень отраслей народного хозяйства.

При совместном изучении этнолингвистических и социальных процессов важна предварительная классификация социально-профессиональных групп. Следует подчеркнуть, что социально-профессиональные группы не могут быть взяты произвольно, только ради создания максимально удобных условий для процедуры. Предварительно необходимо было решить принципиальный вопрос о подной детальной и разносторонней классификации населения по социально-профессиональному признаку.

В социолого-лингвистическом исследовании новосибирцев классификация социально-профессиональных групп осуществлялась В. И. Бойко¹³. Он взял за основу классификационную схему Ю. В. Арутюняна, но при этом допустил существенные, на наш взгляд, ошибки. Выделяя специалистов сферы материального и нематериального производства в две самостоятельные группы, В. И. Бойко в то же время объединяет руководящих работников обеих сфер. Внутри каждой группы оказываются по соседству специалисты с различным уровнем образования, а следовательно и качеством труда, вопреки методологической установке самого автора. В группе специалистов сферы нематериального производства воспитатели дошкольных учреждений приравнены к профессорско-преподавательскому составу вузов, писателям, художникам, артистам и служителям культа. Наоборот, трактористы, бульдозеристы, работающие в сельском и лесном хозяйстве, попали в иную группу, чем экскаваторщики, трактористы-машинисты.

Авторы социолого-лингвистического обследования включили в свою программу изучение современных этнических процессов. Это требовало от составителей анкеты особой осторожности и точности при определении понятия «родной язык». Однако, как видно из формулировки, приведенной в инструкции¹⁴, это понятие было заменено понятием «основной язык общения». В связи с этим можно, как нам кажется, сделать три замечания. Во-первых, целая группа вопросов (с 10 по 16) предусматривает сбор информации, характеризующей конкретное языковое поведение респондентов в разнообразных языковых ситуациях (по анкете — в семье, на работе, в школе и т. п.). Сумма ответов на все эти вопросы и представляет собой не что иное, как «основной язык общения». Но в таком случае вопрос о родном языке, в том его смысле, который придали ему авторы новосибирской анкеты, никакой дополнительной информации не дает. Во-вторых, для изучения современных этнических процессов важно было бы не только выяснить фактическое разделение труда между взаимодействующими языками, но и определить психологическое отношение опрашиваемого к контактирующим языкам, что выражается в признании одного из них родным. Такое признание часто свидетельствует о преодолении серьезного психологического барьера, обычного при смене одного из важнейших этноопределителей — родного языка¹⁵. В-третьих, неоправданное нарушение равнозначности содержания понятия «родной язык» в инструкции к рассматриваемой анкете и в графе переписного бланка лишает возможности сопоставления данных социолого-лингвистического обследования с материалами переписей населения 1939, 1959 и 1970 гг., в которых сам опрашиваемый определял свой родной язык.

¹³ В. И. Бойко, К соотношению субъективного и объективного в социолого-лингвистическом исследовании, «Сбор и разработка материалов социолого-лингвистических исследований в Сибири», Новосибирск, 1969, стр. 83—86.

¹⁴ «Проблемы изучения национальных отношений в Сибири на современном этапе», стр. 133.

¹⁵ М. Н. Губогло, Социально-этнические последствия двуязычия, «Сов. этнография», 1972, № 2.

В ходе анкетирования в Сибири респонденты выражали свое несогласие с тем определением родного языка, которое было дано в инструкции. Кроме того, выяснилось, по крайней мере, еще два варианта понимания родного языка: а) язык родителей; б) язык окружения. Короче говоря, нельзя не согласиться с мнением Ю. Б. Стракача о том, что не исключена возможность неадекватности собранных «голосов» в ответ на вопрос анкеты о родном языке. Однако предложенная Ю. Б. Стракачом формулировка вопроса: «Считает ли родным язык своей национальности?» (да, нет)¹⁶ привела бы к нерациональному, на наш взгляд, сужению требуемой информации. Вопрос о родном языке, видимо, можно было бы сформулировать следующим образом: «Какой язык Вы считаете своим родным языком? (1) язык своей национальности, 2) русский, 3) другой». В такой формулировке вопрос рассчитан на выявление психологического этношениа самого опрошиваемого к тому или иному языку, независимо от степени владения и масштабов пользования им, что в значительной мере связано с национальным самосознанием. Последнее при исследовании национальных отношений и этнических процессов — важнее всего¹⁷.

Разработка выборки — третий важный этап в социолого-лингвистическом обследовании. Первый этап выборки — определение общего числа лиц для анкетирования с таким расчетом, чтобы опрошенное население достаточно представительнo отражало картину языковой жизни коренных народов Сибири. Необходимо также, чтобы были представлены все типы поселений и типы этнических сред в пропорциях, характерных для каждого административного района или этнолингвистического региона. Следует учитывать, что при этом возможно, однако, произвольное искажение социально-профессиональной структуры опрошиваемого населения, так как границы отдельных совхозов или колхозов чаще всего совпадают с границами сельсоветов, а не населенных пунктов. Кроме того, текущая статистика, — главный источник, позволяющий контролировать правильность данных анкетного опроса, ведется по сельсовету в целом, без дифференциации по отдельным населенным пунктам.

Принципиально важным вопросом на втором этапе выборки является отбор районов и населенных пунктов. К сожалению, нет ясности, существовал ли единый критерий отбора в новосибирском исследовании. Складывается впечатление, что каждый исследователь истолковывал принцип отбора населенных пунктов по своему. В одном случае за основу брались природные условия и хозяйственные занятия населения, этническое окружение и контакты с культурными центрами¹⁸, в другом — компактность проживания большинства изучаемого народа¹⁹, в третьем учитывалось требование «наиболее типичного (?) отражения социальной структуры и национального состава населения республики»²⁰. Нам кажется, что возможно несовпадение поселенческих структур, типов этнических сред, социально-профессиональных и половозрастных структур, но методика построения выборки, в частности, отбор объектов наблюдения, должны быть максимально унифицированы, должны исходить из единой программы исследования. Следующей важнейшей

¹⁶ Ю. Б. Стракач, К методике изучения современных этнолингвистических процессов, «Сов. этнография», 1969, № 4, стр. 7.

¹⁷ О соотношении национальных и этнических процессов см.: Ю. В. Бромлей, В. И. Козлов, Ленинизм и основные тенденции этнических процессов в СССР, «Сов. этнография», 1970, № 1.

¹⁸ Ю. Б. Стракач, Указ. раб., стр. 4—5.

¹⁹ С. Н. Оненко, О месте родного языка в современной жизни нанайцев, «Сбор и разработка материалов социолого-лингвистических исследований в Сибири», Новосибирск, 1969, стр. 14.

²⁰ Н. А. Сердобов, Этнические процессы у тувинцев, «Сбор и разработка материалов социолого-лингвистических исследований в Сибири», Новосибирск, 1969, стр. 34.

задачей является определение соотношения выборочной и генеральной совокупности и правомерности экстраполяции выводов первой на вторую. Н. А. Сердобов попытался экстраполировать данные выборочного анкетного опроса тувинцев на все (в том числе и на городское) население республики и даже определил общую численность двуязычных тувинцев, в различной степени владеющих русским языком²¹. К сожалению, правомерность такой экстраполяции не вполне им доказана.

Собранная социолого-лингвистическая информация настолько велика, что необходимо применение быстродействующей вычислительной техники для оперативной обработки и анализа материала.

В числе задач, связанных с машинной обработкой собранных данных, наиболее ответственны статистические группировки, с помощью которых изучаются структура, состав массива и различия языковых характеристик в зависимости от социальной принадлежности и иных, в том числе демографических, факторов. Рассмотрим некоторые группировки. Вернемся к этносоциологическому исследованию, проведенному Институтом этнографии АН СССР в Татарской АССР. Оно, в частности, позволило сделать вывод о том, что среди факторов, оказывающих влияние на характер языковых процессов и соотношение функциональной нагрузки языков при двуязычии, доминирующую роль играют школы²². По характеру школ населенные пункты коренных народов Сибири, видимо, можно было бы сгруппировать следующим образом: 1) преподавание ведется только на национальном языке, 2) национальный язык преподается в русской школе как предмет, 3) преподавание ведется только на русском языке.

Распространению двуязычия в огромной степени содействует совместное проживание разноязычных народов. Поэтому данные, характеризующие этнический состав населенных пунктов, в которых обследуемый народ преобладает, равен по численности с другими этническими группами, или, наконец, составляет меньшинство, должны быть введены в кодировочное задание с тем, чтобы потом по ним можно было судить о степени влияния этого фактора на функциональное взаимодействие языков.

В анкете социолого-лингвистического обследования, разработанной новосибирцами, имеется блок вопросов, по которому формально «прописывается» весь материал анкетного опроса. Эта группа так называемых адресных вопросов, указывающих в каком: а) крае, АССР, области, автономной области, национальном округе; б) районе; в) сельсовете; г) населенном пункте проводился опрос. Информационная ценность этих вопросов состоит в том, что по ним можно восстановить необходимый перечень объективных факторов, оказывающих влияние на функциональное взаимодействие языков.

При этнолингвистической характеристике внешней этнолингвистической ситуации несомненно необходима фиксация численности населения, динамики населения в каждом населенном пункте (убывающая, стабильная, возрастающая). Важное значение имела бы, например, группировка сельсоветов по числу населенных пунктов (один, два, три, более трех), сел в зависимости от расстояния от районного или областного центров (в обоих случаях группировочные шаги могут быть установлены специалистами — знатоками расселения коренных жителей Сибири). Кроме того целесообразно зафиксировать виды транспорта, с помощью которого осуществляется связь сельского населения с ближайшими промышленными центрами (автобус, железная дорога, авиалиния, водный

²¹ Н. А. Сердобов, К вопросу о некоторых социолого-лингвистических процессах в национальной консолидации тувинцев, стр. 99.

²² М. Н. Губогло, Этносоциальные аспекты языковых контактов (по материалам этносоциологического исследования в Татарской АССР). М., 1970 (Доклад на VII МСК в Варне), стр. 7.

путь и т. д.). Как бы совершенна ни была анкета для массового опроса населения, она не может дать достаточно представительных материалов без учета конкретной этнолингвистической среды. Для определения типа этнической среды, вероятно, следует ограничиться следующими признаками: 1) пространственным размещением населения и 2) его национальным составом²³. Данные объективной статистики и опроса могут быть совместно просчитаны на ЭВМ, а результаты подсчета анализироваться в органическом единстве.

На каждый населенный пункт Татарии, в котором проводилось анкетирование Институтом этнографии АН СССР, заполнялся специальный паспорт, где фиксировались 36 факторообразующих признаков. Перед вводом всей информации в ЭВМ из общего числа признаков 9 кодировались и заносились в общую перфокарту вместе с полученными результатами анкетного опроса по данному селу.

Именно этот прием дал возможность впоследствии разработать макеты таблиц, с помощью которых выяснялась причинно-следственная зависимость этнолингвистических процессов от этнодемографических и социально-экономических факторов.

Для сознательного руководства социальными, этническими и языковыми процессами в условиях развитого социализма необходимо глубоко изучать их. Результаты социолого-лингвистического обследования позволяют выяснить не только современное состояние языковой жизни у народов СССР (синхронный срез), но могут дать представление о динамике языковых процессов (диахронный срез), если такие исследования будут проводиться повторно через определенные промежутки времени, в тех же этнолингвистических ареалах, у тех же самых народов, по одной и той же программе, с использованием единого инструментального аппарата²⁴.

²³ М. Н. Губогло, Опыт предварительной типологии этнических сред для экспериментального исследования этнолингвистических процессов, «Итоги полевых работ Института этнографии в 1970 г.», 1971, стр. 149—160 (ротапринт).

²⁴ См.: В. А. Аврорин, Опыт применения анкетного метода в изучении функционального взаимодействия языков, стр. 14—15.